

Jak Marriten

ДУХЪ ВВП

Ты — это экономика. Экономика — это ты.
Но ты — не ты, когда голоден.

Jak Marriten

Дух ВВП

«Автор»

2026

Marriten J.

Дух ВВП / J. Marriten — «Автор», 2026

«Однажды чиновники поняли: в цифры никто не верит. И объявили тендер на создание Духа Валового Внутреннего Продукта. Креативщик Владлен Безродных выиграл его, нарисовав просто три буквы. Дальше случилось невероятное: бренд ожил, породил культ, мерч, филиалы в регионах, злого близнеца Дреда и собственную религию. Остроумнейшая сатира на наше время — о том, как из маркетинга рождаются боги, а правда становится просто «неудобной опцией».

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Эскизы и эскизы	10
Глава 4. Озарение	22
Глава 5. Ново-Огарёво	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Jak Marriten

Дух ВВП

Глава 1. Тендер на святость

Никто не хотел браться за этот тендер. Тендер сам не хотел, чтобы за него брались. Он висел на портале гос.закупок уже третью неделю, и с каждым днем его описание обрастало поправками, как днище корабля — ракушками. Исходная формулировка «разработка положительного образа макроэкономического показателя» мутировала в «оказание услуг по одушевлению ВВП», затем в «создание Духа ВВП», а к моменту, когда Владлен Безродных открыл ссылку, значилось:

«Оказание услуг по разработке, внедрению и медийному сопровождению антропоморфного образа макроэкономического показателя Валовый Внутренний Продукт (далее — Дух ВВП) с целью повышения лояльности населения и укрепления вертикали доверия».

Владлен, владелец креативного агентства «Пиар духа», сидел в своем офисе — съемной двушке в спальном районе, переоборудованной под «креативное пространство». Пространство было креативным настолько, что унитаз в туалете был расписан под хохлому, а кофе-машина носила имя «Госплан» и требовала вводить пятилетку кнопок, прежде чем выдать эспрессо. Ссылку скинул Паша — пиар-директор, курьер, бухгалтер и по совместительству голос совести агентства. Паша был человеком с лицом, которое даже в хорошие времена выражало готовность к эвакуации.

— Глянь, — сказал Паша, не отрываясь от пасьянса «Косынка», — тендер по твоему профилю. «Дух ВВП». Звучит как название группы, которую ты слушал в студенчестве.

Владлен открыл заявку. Компьютер загудел с напряжением, словно тоже не хотел это видеть. Техническое задание занимало сорок шесть страниц. Владлен начал читать вслух, потому что молча читать такое было вредно для психики — требовался свидетель.

— Пункт первый: «Образ должен быть узнаваемым, но не персонифицированным. Вызывать доверие, но не панибратство. Олицетворять стабильность, но не застой. Обладать харизмой, но не отвлекать от повестки». Паша, это вообще возможно?

— Если разогнаться до ста километров в час и резко затормозить, можно одновременно двигаться и стоять на месте, — философски ответил Паша, перекладывая пиковую даму на червового короля. — Только тормозить надо правильно. Читай дальше.

— Пункт второй: «Цветовая гамма: патриотическая, но без излишней милитаризации. Допустимые цвета: красный (не более 40% площади), белый, синий, золотой (металлик только по согласованию). Запрещены оттенки: серый (ассоциация с застоем), болотный (ассоциация с известными событиями), кислотные (ассоциация с западной культурой)».

— Уже интереснее, — отозвался Паша. — Значит, если захочешь нарисовать Духа ВВП на закате, технически закат — это запрещенный оттенок. Красный с оранжевым — потенциально кислотный. Придется рисовать только на фоне чистого неба, как в советских плакатах. Дух ВВП всегда в зените.

Владлен пролистнул несколько страниц с графиками допустимых и недопустимых жестов (поднятый большой палец — можно, скрещенные руки на груди — «сигнал закрытости, не рекомендован»), добрался до раздела «Запрещенные ассоциации» и поперхнулся чаем.

— Слушай сюда: «При разработке образа запрещено использовать ассоциации с: смертью, увяданием, падением, словом "дно", словом "кризис", словом "импорт" (в негативном контексте), а также животными класса грызуны (особенно бобры, хомяки и суслики)». Паша, почему бобры?

Паша задумался. Его палец завис над мышкой.

— Бобры строят плотины, — сказал он наконец. — Плотина — это застой воды. Застой — это запрещенная ассоциация. К тому же бобр — животное с зубами, которые торчат наружу. Торчащие зубы — это либо улыбка, либо угроза. А Дух ВВП не должен угрожать. Он должен... как это... излучать. Без зубов.

— Суслики чем провинились?

— Суслик свистит. Свист — это предупреждение об опасности. Дух ВВП не предупреждает об опасности. Он ее предотвращает самим фактом своего существования. Логично же.

Владлен перевернул страницу. Следующий раздел назывался «Требования к голосу (в случае аудиовизуального воплощения)». Там было одиннадцать подпунктов, из которых следовало, что голос Духа должен быть «низким, обволакивающим, с легкой хрипотцой усталости от забот о народе, но без надрыва». Частотный диапазон прилагался в виде таблицы.

— Паша, — тихо сказал Владлен, — это не тендер. Это инструкция по вызову демона.

— Демона с хрипотцой, — уточнил Паша. — Подавай заявку. Восемьсот миллионов — это восемьсот миллионов. Даже если придется рисовать бобра без зубов.

Конкурентов было трое. Владлен узнал об этом позже, когда его допустили до второго этапа и прислали протокол заседания комиссии. Протокол был составлен настолько канцелярским языком, что поначалу Владлен принял его за стихи. Он читал его вслух Паше, и они вместе пытались сдержать смех, как в школе на скучном уроке.

Конкурент №1: Институт изучения общественного мнения имени Себя.

«Предложена концепция "Статистический эгрегор": антропоморфный график с глазами, ушами и ртом, способный транслировать позитивные показатели в реальном времени. Недостатки: в ходе тестового показа фокус-группе 63% респондентов идентифицировали образ как "масонский символ", 22% — как "оживший логотип запрещенной организации", 15% — затруднились, но испугались. Комиссия постановила: концепцию отклонить ввиду риска возникновения конспирологических теорий, а также неоправданно высоких затрат на анимацию рта».

Конкурент №2: Шаманка с Алтая Ай-Суу (ИП Светлых Дел).

«Предложена концепция "Дух ВВП как природная стихия": нематериальная сущность, вызываемая посредством ритуального бубна и транслируемая через защищенный видеоканал. В ходе онлайн-собеседования заявительница произвела серию ударов в бубен, что привело к короткому замыканию в оборудовании трех членов комиссии, включая заместителя министра. Последний после инцидента в течение недели изъяснялся исключительно биржевыми сводками ("индекс МосБиржи снизился на двенадцать пунктов — это я к тому, что кофе остыл"). Концепция отклонена, заявительница внесена в список поставщиков, требующих дополнительного инструктажа по электробезопасности».

Конкурент №3: ООО «Нейросеть Бабушка».

«Стартап, основанный выпускниками МФТИ. Предложена генерация образа с помощью искусственного интеллекта, обученного на публичных выступлениях министра экономического развития. Выходной результат: плачущий тюлень на фоне графиков. Причины генерации именно тюленя выяснить не удалось. Присутствовавший на тестировании представитель Минэкономразвития выразил "осторожное понимание", однако комиссия постановила: тюлень не может быть лицом ВВП, поскольку вызывает ассоциации с лежбищем, а лежбище — это застой (см. запрещенные ассоциации). Разработчики направлены на прохождение альтернативной гражданской службы в НИИ "Прикладной фауны", нейросеть удалена, но, по слухам, продолжает генерировать тюленей в автономном режиме где-то в облаке».

— Тюлень, — повторил Владлен, дочитав. — Мы выиграли тендер, потому что нейросеть нарисовала тюленя.

— Мы выиграли, потому что ты не шаманка, не нейросеть и не рисуешь глаза на графиках, — резюмировал Паша. — Поздравляю. Ты — последний адекватный человек в этом конкурсе. Меня это пугает.

Через неделю Владлен сидел в приемной Департамента духоподъемных показателей. О существовании этого департамента он узнал только из письма с приглашением на инструктаж. Письмо было написано на бланке, в шапке которого значилось: «Администрация Президента РФ. Управление нематериальных активов. Департамент духоподъемных показателей». Ниже, мелким шрифтом, шла приписка: «Создан распоряжением от 12.03.2026 № 88-рп. Цель: формирование позитивного восприятия статистических данных, не поддающихся верификации».

Приемная была обставлена в стиле, который Владлен мысленно окрестил «бюджетный минимализм с элементами тревоги». Серые стены, серый линолеум, серый стол, за которым сидела секретарша в сером костюме. Она была настолько органична интерьеру, что Владлен сначала принял ее за часть мебели — возможно, за вешалку для верхней одежды. Но вешалка вдруг подняла глаза и произнесла:

— Вас ждут. Кабинет 404.

— 404? — переспросил Владлен. Ему показалось, что это шутка. — Как ошибка в интернете? Страница не найдена?

Секретарша посмотрела на него взглядом человека, который слышал эту шутку столько раз, что она перестала быть шуткой и стала частью должностной инструкции.

— Как номер кабинета. Ошибок у нас не бывает. Бывают перенаправления. Вам по коридору налево, до упора. Если упор кончится — вы прошли мимо.

Владлен двинулся по коридору. Это был длинный коридор с высокими потолками и лампочками дневного света, которые гудели с частотой, идеально совпадающей с частотой человеческой тревоги. На стенах висели плакаты. Первый гласил: «ДОВЕРИЕ К СТАТИСТИКЕ — ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ». Второй: «ЦИФРЫ НЕ ВРУТ. ОНИ ПЕРЕГРУППИРУЮТСЯ». Третий был уже совсем странный: «ВВП — ЭТО НЕ ПРОСТО ПОКАЗАТЕЛЬ. ВВП — ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ. ДУША ДОЛЖНА РАСТИ».

На полпути Владлен заметил дверь с табличкой «Отдел нематериальной статистики». Из-за двери доносился приглушенный спор. Один голос, судя по интонациям — начальственный, говорил:

— Я в пятый раз повторяю: индекс счастья не может падать, когда индекс промышленного производства растет. Это противоречит логике вертикали.

Второй голос, усталый:

— Но люди говорят, что им грустно.

— Значит, неправильно говорят. Научите их говорить правильно. Для этого мы вас и держим. Пересчитайте.

Владлен ускорил шаг. Ему показалось, что если он задержится у этой двери, то через минуту его втянет внутрь и заставят пересчитывать собственное настроение.

Кабинет 404 обнаружился в самом конце коридора, рядом с пожарным выходом. На двери пожарного выхода висел массивный амбарный замок и записка от руки: «Выхода нет. Пользуйтесь входом». На двери кабинета, прямо под табличкой «404», красовался стикер с надписью: «Отдел по приданию смысла бессмысленному. Режим работы: круглосуточно, без выходных, без надежды. Обед: никогда».

Владлен постучал. Изнутри раздалось короткое «Да», произнесенное таким тоном, будто говоривший только что проглотил что-то горькое и теперь пытался это перебороть. Владлен толкнул дверь и вошел.

Кабинет был маленький, без окон. Стены — голые, если не считать портрета Президента в золоченой раме, висящего над пустым столом. Портрет был стандартный — Президент сидел за столом и смотрел прямо в объектив с выражением, которое Владлен про себя называл «оте-

ческая загадочность»: вроде бы он знает ответ, но не скажет, пока ты сам не догадаешься. Но была одна деталь: вместо глаз у Президента были вырезаны дырки. Сквозь них виднелась серая стена.

За столом сидел человек, чья фамилия, как выяснилось через мгновение, была Лютый. Выглядел он как человек, который уже два года не спит, но выработал способность существовать в режиме вечной бодрости за счет внутренних резервов сарказма. Его глаза двигались независимо друг от друга: левый смотрел на Владлена, правый — куда-то в угол, возможно, мониторил индекс потребительской уверенности. На столе перед ним лежала папка с надписью «Дух ВВП. Исполнитель: Безродных В.Е. Допущен». Рядом с папкой стояла чашка с надписью «Лучшему куратору нематериального сектора». Чай в чашке был серый, как и все в этом здании.

— Садитесь, — сказал Лютый, не столько предлагая, сколько констатируя неизбежность. — Вы опоздали на четыре минуты. Я уже начал сомневаться в вашей способности одушевлять время.

— Извините, — сказал Владлен, садясь на стул, который предательски скрипнул, словно тоже сомневался. — Коридор длинный.

— Коридор — это метафора, — ответил Лютый. — В этом здании всё метафора. В том числе я. В том числе вы. Но давайте перейдем к делу. Метафора не терпит отлагательств.

Он открыл папку, и Владлен увидел, что внутри лежит распечатка его заявки, испещренная пометками красным фломастером. Слово «креативный» было подчеркнуто трижды, и рядом стоял знак вопроса, за которым следовало еще три знака вопроса разного размера.

— Итак, — начал Лютый, отпивая серый чай, — вы выиграли тендер. Поздравляю. Теперь о главном. Президент перестал верить в экономику.

Владлен моргнул.

— В каком смысле?

— В прямом. Показывает ему министр финансов график — он смотрит и говорит: «Это просто бумага. Где жизнь? Где душа? Где, в конце концов, взгляд?» Понимаете? Ему надоели цифры. Ему нужно что-то, во что можно верить. Что-то одушевленное. Что-то, что может посмотреть ему в глаза.

— И что-то, что он сможет похлопать по плечу? — предположил Владлен.

Лютый на секунду замер. Его правый глаз дернулся.

— Это вы хорошо сказали. Похлопать по плечу... Да, именно. Дух ВВП должен быть таким, чтобы Президент мог его похлопать. Но только в переносном смысле. В прямом — только через согласованный протокол.

Он перевернул страницу.

— Мы пытались разными способами. Показывали графики с зелеными стрелочками. Он сказал: «Стрелочки — это хорошо, но где душа?» Сделали презентацию с голограммами. Сказал: «Красиво, но не по-русски. Где страдание? Где преодоление? Где загадочность?» Тогда мы поняли: нужен образ.

— Образ страдающего, преодолевающего и загадочного ВВП, — уточнил Владлен. — Который к тому же растет.

— Именно. И вот тут возникает нюанс. — Лютый понизил голос, хотя в кабинете они были одни, и даже портрет с дырками вместо глаз не мог их подслушать, потому что дырки, строго говоря, не имели ушей. — Президент должен узнать в этом образе себя.

Владлен почувствовал, как воздух в кабинете стал плотнее.

— Простите, я хочу убедиться, что правильно понял. Вы хотите, чтобы я создал персонажа — Дух ВВП, — который будет одновременно похож на Президента, но не слишком, чтобы это не выглядело как подхалимаж, и при этом достаточно похож, чтобы Президент, глядя на него, испытывал теплое чувство узнавания, но не мог точно сказать, что узнает. Так?

— Вы схватываете на лету, — кивнул Лютый. — Именно так. Это называется «мягкая идентификация через символ». Или, как у нас говорят в отделе, «вертикаль узнавания».

— А если Президент обидится? Если решит, что его изобразили в виде графика?

Лютый вздохнул. Вздох был тяжелый, как сводка о падении промышленного производства.

— Если Президент обидится, ВВП упадет. И тогда выяснится, что Дух, которого мы создавали, чтобы поддерживать веру в рост, стал причиной падения. Это будет не просто провал. Это будет анти-дух. Демон рецессии. Вы этого хотите?

Владлен не хотел.

— Поэтому, — продолжил Лютый, — действовать надо аккуратно. У вас есть три недели на разработку эскизов и тестирование на фокус-группе. Фокус-группа будет состоять из случайных людей и одного замминистра. Замминистра будет изображать Президента. Не буквально. Но если замминистру не понравится, Президенту, скорее всего, тоже не понравится. А если замминистру понравится, но он побоится в этом признаться, потому что не уверен, понравится ли Президенту, — мы окажемся в серой зоне.

— Где мы окажемся?

— В серой зоне. Это понятие из нашего внутреннего регламента. Серая зона — это когда никто не знает, хорошо или плохо, но все делают вид, что хорошо, пока кто-то главный не скажет, что плохо. Как только главный скажет — серая зона схлопывается, и все, кто был в ней, оказываются либо героями, либо козлами отпущения. Вам интересно, кем обычно?

— Козлами, — сказал Владлен.

— Вы быстро учитесь. Мне это нравится. — Лютый сделал пометку в блокноте. — А теперь идите и творите. И помните: Дух ВВП — это не картинка. Это вера, упакованная в бюджет. Бюджет большой. Вера — не очень. Ваша задача — чтобы вера догнала бюджет. Хотя бы по спирали.

Владлен вышел из кабинета 404 с папкой в руках и с ощущением, что он только что согласился на что-то, что необратимо изменит его жизнь. В коридоре он снова прошел мимо Отдела нематериальной статистики. Теперь из-за двери доносился смех — дружный, почти истерический. Кто-то внутри крикнул: «Пересчитали! Счастье выросло на три пункта!» Ему ответил другой голос: «А промышленность?» — «А промышленность упала! Но мы решили, что это статистическая погрешность!»

Владлен ускорил шаг. Ему хотелось домой, к Паше, к расписному унитазу и кофе-машине «Госплан». Там, по крайней мере, абсурд был ручным и предсказуемым. Здесь он был государственным. А государственный абсурд, как известно, имеет свойство отрачивать зубы.

Глава 2. Эскизы и эскизы

Офис агентства «Пиар духа» встретил Владлена запахом вчерашней пиццы и свежей безнадёжности. Паша сидел на своем месте, но теперь не играл в «Косынку», а смотрел в стену с выражением человека, который только что осознал, что такое техническое задание на сорока шести страницах.

— Ну? — спросил Паша, не поворачиваясь. — Насколько все плохо?

Владлен молча положил папку на стол. Паша открыл её, прочитал первый абзац, затем второй, затем перелистнул несколько страниц. Его лицо, обычно выражавшее готовность к эвакуации, теперь выражало готовность к эвакуации в другую галактику.

— «Образ должен олицетворять стабильность, но не застой», — процитировал он. — «Вызывать доверие, но не панибратство». Это как? Представь, ты встречаешь человека. Он говорит: «Здравствуйте, я — Дух ВВП. Я стабилен, но не застой. Вы можете мне доверять, но не вздумайте хлопать меня по плечу, это панибратство». И ты стоишь и думаешь: то ли поздороваться за руку, то ли встать навытяжку, то ли просто выйти в окно.

— Примерно так, — подтвердил Владлен. — Причем окно здесь — это пожарный выход с амбарным замком и запиской «Выхода нет».

Паша перевернул страницу и уткнулся в раздел «Запрещенные ассоциации». Он читал минуту, потом две. Потом поднял глаза.

— Слушай, а почему бобы?

— У них зубы. Торчат. Это либо улыбка, либо угроза. Дух не должен угрожать. И не должен улыбаться слишком открыто. Потому что открытая улыбка — это либо радость, либо оскал. А радость, — Владлен сверился с выдержками из ТЗ, которые успел выписать в блокнот, — «радость допустима, но в пределах сдержанного оптимизма». Сдержанный оптимизм — это улыбка уголками губ. Но уголки губ, если их неправильно нарисовать, превращаются в усы. А усы — это уже ассоциация с конкретным историческим персонажем, что недопустимо в рамках пункта о деперсонификации.

Паша застонал и закрыл лицо руками. Потом вдруг поднял голову, и в его глазах зажглась искра. Такая искра, какая зажигается у людей, решивших, что они нашли гениальное решение проблемы, хотя на самом деле нашли лишь новый способ страдать.

— Слушай, а что если сделать так: рисуем обычного человека, но не человека, а... эм... символ. Например, мужик в рубахе, с бородой, стоит на фоне заводов. В руках держит что-то такое... Ну, колосья, шестеренки, нефтяную вышку. Это как Богатырь. Только Богатырь экономический.

— «Богатырь» звучит как древнерусский супергерой, — сказал Владлен. — А древнерусский супергерой — это ассоциация с Ильей Муромцем. Илья Муромец сидел на печи тридцать лет. Тридцать лет без движения — это застой. Запрещенная ассоциация.

— Но ведь он потом встал!

— Встал и пошел. Пошел куда? На борьбу с Соловьем-разбойником. Соловей-разбойник — это кто? Метафора врага. Враг — это негативный контекст. Нельзя, чтобы Дух ВВП ассоциировался с борьбой против кого-то. Он должен ассоциироваться только с ростом и светом. Никаких врагов.

Паша задумался. Потом его осенило снова:

— Тогда давай сделаем абстрактный символ. Вообще без человека. Светящийся шар. Или луч. Или облако. Облако ВВП, которое парит над страной.

— Облако, — медленно проговорил Владлен. — Облако — это скопление водяного пара. Вода — это осадки. Осадки — это дождь. Дождь — это плохая погода. Плохая погода — это неурожай. Неурожай — это дефицит. Дефицит — это негативная ассоциация.

— Ты сейчас доведешь до того, что нельзя будет вообще ничего рисовать! — взорвался Паша. — Потому что любой предмет к чему-нибудь да ассоциируется. Вот, смотри: круг — солнце. Солнце — свет. Свет — истина. Истина — это уже слишком. Истина — это претензия на абсолютное знание. Абсолютное знание — это религиозный подтекст. Религия отделена от государства. Дух ВВП не может быть религиозным символом, иначе нарушит Конституцию! Круг запрещен!

Он замолчал, тяжело дыша. Владлен смотрел на него с уважением — Паша только что прошел путь от дизайнера до философа-деструктивиста за полторы минуты.

— Ладно, давай попробуем не-абстрактное, — сказал Владлен. — Давай попробуем что-нибудь живое, но не слишком. Какой-нибудь... пенёк. Или росток.

— Росток — это хорошо. Росток тянется вверх. Но росток — это что-то маленькое. Дух ВВП должен быть большим. Если росток — он подразумевает, что ВВП еще только растет, а должен уже быть могучим деревом.

— Дерево!

— Дерево — это корни. Корни — это связь с землей. Связь с землей — это привязка к месту. Привязка к месту — это отсутствие движения. Отсутствие движения — это застой.

— Черт, — Владлен откинулся в кресле. Кресло скрипнуло «за-стой», и он вздрогнул. — Может, просто нарисуем график, идущий вверх, и приделаем ему человеческие черты? Как тот «Статистический эгрегор»? Глаза там, рот...

— Нельзя. Помнишь протокол? «63% идентифицировали как масонский символ». И потом — если у графика есть рот, значит, он может говорить. А если он может говорить, он может сказать что-то не то. Представь: Дух ВВП открывает рот и говорит: «Ребята, я падаю». Катастрофа.

— Тогда без рта. Только глаза.

— Если есть глаза, но нет рта — это либо наблюдатель, либо жертва. Жертва — плохо. Наблюдатель — подозрительно. «Дух ВВП наблюдает за тобой» — это антиутопия.

— Тогда вообще без лица. Просто силуэт.

— Невидимка. Мы уже обсуждали невидимку. Лютый сказал — Президент хочет видеть лицо. Он хочет «посмотреть ему в глаза». Глаза — ключевое слово. Надо что-то с глазами.

— Может, вернемся к богатырю? Но осовременим. В деловом костюме. Стоит на фоне небоскребов «Москва-Сити». В одной руке — планшет с графиком, в другой — ключ от квартиры.

— Ключ от квартиры — это символ доступного жилья. Доступное жилье — это ипотека. Ипотека — это долг. Долг — это обременение. Обременение — это падение.

— Почему падение-то?

— Потому что долг висит. Висит — значит, тянет вниз. Вниз — это падение. Падение — это негатив.

— А если он просто стоит в костюме и улыбается уголками губ?

— Мы возвращаемся к проблеме уголков губ и усов.

Владлен закрыл папку. Паша закрыл лицо. В комнате повисла тишина, нарушаемая только гудением кофе-машины «Госплан», которая входила в режим самоочистки, напоминавший предсмертный хрип.

— Я позвоню Лютому, — сказал Владлен. — Может, у них есть примеры из мировой практики.

Лютый ответил на звонок так быстро, словно сидел и ждал, когда Владлен проявит слабость.

— Безродных, у вас что-то срочное? Я сейчас на совещании по визуализации индекса деловой активности. Пытаемся понять, почему он похож на утку.

— На утку? — переспросил Владлен, но тут же решил, что это не его дело. — У меня вопрос по концепции. Мы тут с коллегой перебрали варианты: богатырь, невидимка, дерево, росток, облако, график с глазами... Все упирается либо в запрещенные ассоциации, либо в то, что образ не соответствует пунктам ТЗ. Вы можете дать хоть какой-то ориентир? Пример из международного опыта? Может, у китайцев есть Дух ВВП?

На том конце провода послышался вздох — не такой тяжелый, как при падении промышленного производства, но близко.

— Китайцы используют дракона. Дракон — это сила, мудрость, рост. Но дракон — это еще и ящерица. Ящерица — холоднокровное. Холоднокровное — бесчувственное. Бесчувственный Дух ВВП не сможет вызывать доверие. Плюс дракон — это символ Китая, а не России. У нас свой путь.

— Какой?

— Вот вы и должны его найти. Я для чего вас нанял? Чтобы вы задавали вопросы или чтобы отвечали на них?

— Чтобы я отвечал.

— Именно. Поэтому предлагаю: вы присылаете мне три базовых эскиза, я даю комментарии. Не затягивайте. Президент на следующей неделе открывает совещание по экономике, и я хочу ему что-то показать. Хотя бы на салфетке.

Лютый отключился. Владлен остался стоять с телефоном в руке. Паша смотрел на него с выражением врача, который сообщает диагноз.

— Три эскиза, — сказал Владлен. — За три дня. Давай думать. Что у нас осталось из того, что мы не успели запретить?

Паша взял лист бумаги — чистой с одной стороны, с другой был старый отчет о продажах маргарина — и начал писать. Через час на листе красовался список, который в другой ситуации мог бы сойти за план захвата мира сумасшедшим дизайнером:

Антропоморфный рубль — слишком похож на доллар (запретная валюта), к тому же рубль падал, падение — негатив.

Медведь в пиджаке — медведь — символ «Единой России», партийная ассоциация нежелательна. Плюс медведь — дикое животное, дикость — отсталость.

Дом, который строится — долгострой (ассоциация с коррупцией), плюс дом — это недвижимость, цены на неё растут быстрее ВВП — обидное сравнение.

Мост в будущее — мост через пропасть, пропасть — опасность, мост может рухнуть.

Факел — огонь, пожар, МЧС, чрезвычайные ситуации.

Колос — уже обсуждали зерновую сделку.

Шестерёнка — промышленность, но шестерёнки ломаются.

Когда они добрались до пункта «Счастливая семья, смотрящая на график», Владлен понял, что они достигли дна. Семья — это демография. Демография — это яма. Яма — запрещенное слово.

— Хватит, — сказал он. — Мы не сможем нарисовать Духа ВВП, пока находимся в этом офисе. Надо выпить.

Паша кивнул с готовностью, неожиданной для человека, который обычно пил только цикорий.

В баре «На доньшке» (название, кстати, было из списка запрещенных, но владелец бара, судя по всему, в госзакупках не участвовал) они взяли по сто грамм водки «Импортозамещённая — слеза комбайнера» и по бутерброду с колбасой «Докторская, но не та». После третьей рюмки в голову Владлена начала пробиваться идея. Сначала робко, как мышка-полевка, которая не понимает, можно ли ей выходить, или она подпадает под запрет грызунов. Но потом — смелее.

— Паша, — сказал он, глядя на свое отражение в темном зеркале за барной стойкой, — мы все время пытаемся нарисовать что-то хорошее. А что, если нарисовать не «что-то хорошее», а просто «что-то»? Что-то, что нельзя интерпретировать?

— Ты предлагаешь нарисовать белый лист?

— Нет. Я предлагаю нарисовать того самого мужика. Обычного человека. Только не Коляна из Саратова, который грустный, а... ну... такого... среднестатистического оптимиста. В костюме, но костюм сидит чуть мешковато. Стоит на фоне нейтрального пейзажа. Улыбается сдержанно. И подпись: «ВВП — это я. ВВП — это ты. ВВП — это мы».

Паша задумался, пережевывая «Докторскую, но не та».

— А почему «ВВП — это я»? Кто этот «я»? Если это Президент, то нарушается пункт о персонификации. Если это простой человек, то возникает вопрос: почему простой человек — Дух ВВП? У него есть доступ к бюджету? Он влияет на макропоказатели?

— Он влияет своим трудом. Своим потреблением. Он — единица экономики.

— Единица — это уже что-то маленькое. Маленькое — это недостаточно величественно.

Владлен стукнул кулаком по стойке. Бармен вздрогнул, но промолчал — видимо, здесь такое случалось регулярно.

— Тогда оставим просто «ВВП — это мы». Без лица. Вообще без человека. Только буквы. Три большие буквы на красном фоне. И слоган: «ВВП. Валовый Внутренний Продукт. И ничего лишнего».

— Лютый сказал — Президент хочет лицо.

— Лютый сказал — Президент хочет «посмотреть в глаза». А буквам в глаза не посмотришь! Значит, буквы не подходят. Замкнутый круг.

Они выпили еще. Водка «Слеза комбайнера» начинала действовать, превращая безысходность в мутную философию.

— Слушай, — вдруг сказал Паша, заговорщицки наклонившись через стол, — а что если проблема не в том, что мы не можем нарисовать, а в том, что мы не понимаем главного? Вдруг Духа ВВП вообще не надо рисовать? Вдруг его надо... ну... назначить?

— В смысле — выбрать человека и сказать: «Вот он, Дух ВВП»?

— Да! Как Деда Мороза. Есть же всероссийский Дед Мороз в Великом Устюге. Есть официальный Дед Мороз. Почему бы не быть официальному Духу ВВП? Выбрать какого-нибудь почетного пенсионера, наградить орденом, и пусть ездит по стране, открывает ярмарки, фотографируется с детьми...

Владлен представил почетного пенсионера в костюме Духа ВВП, который на детском утреннике кричит: «А теперь все дружно повышаем потребительскую активность!» Дети плачут, родители аплодируют. Идея была настолько нелепой, что на секунду показалась гениальной. Но только на секунду.

— Не пойдет. Пенсионер — это возраст. Возраст — это демография. Демография — яма. Даже не начинай.

Они заказали еще по одной. За окном бара смеркалось. Вечернее небо над Москвой было серо-оранжевым, как будто кто-то наверху нарушил цветовую гамму из ТЗ, смешав запретный болотный с запретным кислотным.

— Может, плюнем на все и нарисуем радугу? — предложил Паша с интонацией смертельно уставшего человека. — Радуга — это спектр. Спектр — это разнообразие. Разнообразие — это... ой, подожди, радуга — это еще и ЛГБТ, а это вообще запрещено на всех уровнях. Нельзя.

— Радугу отменили, — согласился Владлен. — Остается только один цвет. Красный. Но не более 40% площади. Красный — это энергия. Но красный — это еще и кровь. Кровь — это жертва. Жертва — плохо.

— Получается, разрешено 40% красного, остальное белый и синий. Белый — это свет. Синий — это небо. Свет и небо. Это же элементарно! Рисуем светлое небо и 40% красной земли. На земле ничего нет, потому что любое изображение — ассоциация. Просто светлое небо и красная полоса внизу. И подпись: «ВВП. На нем все держится».

— А небо — это воздух. Воздух пустой. Пустота — это ничто. Ничто — это дыра. Дыра — это падение. — Владлен сам не заметил, как начал говорить голосом Лютого. — Паша, мы деградируем. Мы сейчас дойдем до того, что разрешенным окажется только белый квадрат на белом фоне.

— Белый квадрат на белом фоне — это Малевич. Малевич — авангард. Авангард — это Запад. Запад — санкции. Вот видишь, даже белый квадрат опасен.

Они замолчали. Бармен включил телевизор. По федеральному каналу шли новости. Диктор с лицом, излучавшим сдержанный оптимизм ровно на 40% красного, вещал: «Индекс промышленного производства в марте показал уверенный рост на фоне укрепления рубля и позитивных ожиданий бизнеса. Эксперты связывают это с духовным подъемом населения».

— С духовным подъемом, — повторил Паша. — Слышишь? Уже началось. Еще нет Духа, а подъем уже есть. Значит, мы можем вообще ничего не делать, и все само собой образуется.

Владлен вдруг замер. В его голове, размягченной водкой и абсурдом, что-то щелкнуло. Не идея пока — но предчувствие идеи.

— Подожди. Ты сказал — «можем вообще ничего не делать». А что, если... что, если Дух ВВП — это не картинка, а... сам факт его отсутствия?

— То есть наша задача — доказать, что Духа нет, и именно это доказывает, что он есть? — Паша помотал головой. — Я уже ничего не понимаю.

Владлен записал в блокноте пьяным почерком: «Дух = отсутствие. Доказать отсутствием». Потом дописал: «Не пить больше с Пашей».

Но до трезвого утра было еще далеко. А утром их ждал факс от Лютого с пометкой «СРОЧНО» и требованием представить три эскиза к среде. Факс был отправлен с такого старого аппарата, что его термобумага пахла 1998 годом, и текст гласил:

«Безродных. По итогам предварительных консультаций напоминаю: эскизы должны быть готовы к среде 14:00. Комиссия рассмотрит их в формате фокус-группы. Если к этому моменту эскизов не будет, Дух будет считаться невоплощенным, а контракт — подлежащим расторжению. С уважением, Лютый. P.S. Президент вчера на закрытом ужине сказал: "Экономика должна иметь лицо. Желательно — симпатичное". Прошу учесть».

Владлен свернул факс в трубочку и постучал им по столу.

— Среда, — сказал он. — У нас два дня. Рисуем три варианта. Любых. А там будь что будет.

И они сели рисовать. Паша взял на себя «Богатыря» — мускулистого мужчину в рубахе, стоящего на фоне заводов. Владлен — «Невидимку» (просто лист с надписью «Он здесь, просто не виден») и «Человека из народа» — того самого грустного Коляна из Саратова, которому они попытались пририсовать сдержанный оптимизм, но получилось лицо человека, выигравшего в лотерею талон на бесплатную стрижку.

К среде они были готовы. Впереди ждала фокус-группа. И Лютый. И замминистра. И судьба восьмисот миллионов.

Глава 3. Фокус-группа

В среду утром Владлен проснулся с ощущением, что сегодня его будут судить. Не в переносном, а в самом прямом смысле: ему снился зал суда, где прокурором был Лютый, адвокатом — Паша, а на скамье подсудимых сидел антропоморфный график ВВП с глазами, полными слез, и ртом, которого не было. График пытался что-то сказать, но издавал только звук факса. Владлен проснулся в холодном поту, который пах термобумагой 1998 года.

Паша уже ждал его в офисе. Он сидел за столом и тупо смотрел на три распечатанных эскиза, разложенных перед ним, как карты Таро, предсказывающие исключительно плохое будущее.

— Я всю ночь не спал, — сообщил Паша голосом человека, который всю ночь не спал и теперь жалеет, что вообще когда-либо спал. — Думал. Вот смотри. «Богатырь». Если при-смотреться, он похож на актера, который играл князя Владимира в фильме «Викинг». А фильм провалился в прокате. Провал — это падение. Падение — это нельзя.

— Это не князь Владимир. Это обобщенный образ, — слабо возразил Владлен.

— Обобщенный образ князя Владимира — это все равно князь Владимир. А он — креститель Руси. Религиозная ассоциация. Нам Лютый еще на первом инструктаже сказал: «Никакой церкви, у нас светское государство, ВВП — не икона». Помнишь?

Владлен не помнил. Он помнил только, что Лютый много говорил, а он много кивал.

— Дальше. «Невидимка». — Паша ткнул пальцем во второй эскиз, представлявший собой девственно белый лист с надписью «Он здесь, просто не виден» в центре. — Я вчера вечером показал это своей маме по видеосвязи. Она спросила: «Почему вы прислали пустой файл? У вас интернет плохо работает?» Я говорю: «Мам, это не пустой файл, это Дух ВВП, просто он невидимый». Она помолчала и говорит: «Сынок, ты в секту попал? Тебе денег выслать?»

Владлен закрыл лицо руками.

— А третий, — продолжил Паша безжалостно, — «Человек из народа». Колян. Мы ему вчера пытались пририсовать улыбку, а получилось лицо человека, которому сказали: «У вас выигрыш в лотерею», — а потом добавили: «Но приз — еще один лотерейный билет». Он не улыбается, Владлен. Он страдает. Сдержанно, но страдает. Лютый сказал: «Никакого страдания. Только сдержанный оптимизм». А это — сдержанный пессимизм.

Владлен поднял голову и посмотрел на эскизы. «Богатырь» был слишком былинным. «Невидимка» — слишком невидимым. «Колян» — слишком Коляном.

— Время — полдень, — сказал Паша, глядя на часы с кукушкой, которая вместо «ку-ку» каждый час выдавала запись голоса президента: «Время — вперед». — Через два часа фокус-группа. Что будем делать?

— Поедем с тем, что есть, — сказал Владлен, собирая эскизы в папку. — Иногда провал — это тоже результат. Главное — правильно его подать.

— Как?

— Еще не знаю. Придумаю по дороге.

Конференц-зал Департамента духоподъемных показателей находился на третьем этаже того же бесконечного серого здания. На двери висела табличка: «Зал совещаний № 3. Максимальная вместимость: 12 человек. Максимальная вместимость смыслов: не ограничена». Рядом с табличкой кто-то приклеил стикер: *«Здесь решается судьба экономики. Экономика не в курсе»*.

Фокус-группа была в сборе. Владлен ожидал увидеть случайных прохожих с Арбата, но реальность превзошла ожидания. За длинным столом сидели:

Женщина лет шестидесяти с лицом, выражавшим многолетний опыт борьбы с ЖКХ и несокрушимую веру в то, что раньше было лучше. В анкете она значилась как «Пенсионерка, активный пользователь ТВ».

Мужчина средних лет в спортивном костюме с надписью «Россия» на груди. В анкете — «Таксист, представитель малого бизнеса».

Девушка с цветными волосами и выражением лица «я здесь случайно, мне заплатили, но этого мало». В анкете — «Креативный класс, фрилансер».

Молодой человек в очках и с ноутбуком, который он не закрывал ни на секунду. В анкете — «Айтишник, удаленщик, потенциальный релокант».

И, наконец, замминистра — тот самый, из протокола, который после бубна шаманки неделю говорил биржевыми сводками. Сейчас он выглядел как человек, прошедший огонь, воду и медные трубы бюджетирования. Его лицо было спокойным, но глаза бегали, выискивая потенциальные бубны.

Лютый сидел во главе стола с видом режиссера, который ставит спектакль, зная, что актеры не выучили роли, сценарий написан на салфетке, а премьера — через час у президента.

— Начинаем, — сказал Лютый, не тратя время на вступления. — У нас три концепции. Автор — Безродных. Сейчас он их представит. Вы смотрите, потом говорите, что чувствуете. Говорить честно. За честность — дополнительная оплата. За слишком честную — оплата та же, но без последствий. Надеюсь.

Владлен встал. Его ладони вспотели. Он чувствовал себя гладиатором, которого выпустили на арену, но вместо меча выдали указку для презентаций.

— Первая концепция, — сказал он, щелкая кнопкой проектора, — называется «ВВП-Богатырь».

На экране возник эскиз: мускулистый мужчина с бородой, в расстегнутой рубашке, стоящий на фоне заводских труб. В одной руке он держал снопок колосьев, в другой — что-то, напоминавшее нефтяную вышку, но в последний момент перерисованное в «символ энергетической мощи», потому что нефтяная вышка — это сырьевая зависимость, а сырьевая зависимость — это... ну, вы поняли.

Владлен зачитал описание:

— «Дух ВВП в образе былинного защитника экономики. Олицетворяет силу, мощь, связь с корнями и уверенность в завтрашнем дне. Взгляд направлен в будущее. В руках — символы сельского хозяйства и энергетики. Цветовая гамма: сдержанная, патриотическая. Красный — 38% площади, что в пределах допустимого».

В зале повисла тишина. Пенсионерка наклонила голову набок и прищурилась, как будто смотрела на ценник в магазине.

— Это кто? — спросила она наконец. — Емеля?

— Нет, это... богатырь. Обобщенный образ.

— А почему без штанов?

Владлен посмотрел на эскиз. Богатырь действительно был изображен только до пояса — Паша не успел дорисовать нижнюю часть, сказав, что «это классический портретный формат».

— Это поясной портрет. В традициях русской живописи.

— Поясной портрет без штанов, — констатировала пенсионерка. — Вы хотите, чтобы Дух ВВП ходил без штанов?

Таксист в костюме «Россия» хмыкнул:

— Слушайте, ну богатырь — это нормально. Только он больше на Деда Мороза похож. И на священника. И на этого... как его... из рекламы пельменей. А экономика — это не пельмени.

— Почему не пельмени? — вдруг оживилась девушка-фрилансер. — Пельмени — это ВВП в чистом виде. Берешь сырье, перерабатываешь, продаешь. Добавленная стоимость.

— Пельмени — это хорошо, — согласился таксист. — Но дух пельменей — это уже гастрономия. А нам нужен макроэкономический показатель.

— А почему у него в руках вышка? — спросил айтишник, отрываясь от ноутбука. — Вышка — это 5G? 5G — это хорошо или плохо? Я не в курсе повестки.

— Это не 5G, — поспешно сказал Владлен. — Это символ энергетической мощи.

— Энергетическая мощь, — повторила пенсионерка. — У меня в прошлом месяце счет за электричество на три тысячи пришел. Вот вам и мощь. Не надо мне такой мощи. Пусть Дух ВВП мне субсидию оформит, тогда я в него поверю.

Лютый кашлянул и сделал пометку в блокноте: «Субсидии не входят в функционал Духа».

Замминистра, молчавший до этого, открыл рот:

— Образ... спорный, — произнес он с интонацией человека, который за свою карьеру научился говорить «спорный» так, что это звучало как «катастрофический». — Слишком много ассоциаций. Борода — религиозный подтекст. Вышка — монополия. Отсутствие штативов... это я даже комментировать не буду.

— Богатырь отклоняется? — уточнил Лютый.

— Отклоняется. Показывайте следующий.

Владлен вздохнул и переключил слайд. На экране появился белый прямоугольник с одинокой надписью по центру: «Он здесь, просто не виден».

— Концепция №2, — объявил он с энтузиазмом приговоренного. — «Невидимый Дух ВВП». Метафора незримого присутствия экономики в жизни каждого человека.

Зал молчал. Пауза затягивалась так долго, что айтишник начал проверять, не завис ли проектор.

— А где картинка? — спросила наконец пенсионерка.

— В этом и смысл, — пояснил Владлен. — Дух невидим. Но он здесь.

— Как отопление летом, — сказал таксист. — Вроде есть, а вроде нет.

— Как повышение пенсии, — добавила пенсионерка. — Обещают, обещают...

— Как импортозамещение, — вставила девушка-фрилансер и тут же пожалела, потому что Лютый сделал еще одну пометку в блокноте.

— Подождите, — айтишник поднял руку, как в школе. — У меня вопрос. Если Дух невидим, как мы узнаем, что это именно он? Может, это вообще не Дух ВВП, а, допустим, Дух Дефолта? Или Дух Санкций? Они тоже невидимые. Как мы их различим?

— По вере, — сказал Владлен, сам не до конца понимая, что имеет в виду.

— По вере, — повторил айтишник, записывая что-то в ноутбук. — То есть если все поверят, что невидимка — это Дух ВВП, он будет Духом ВВП. А если все поверят, что это Дух Инфляции, он разгонит цены. Получается, экономика зависит от коллективной галлюцинации? Это же чистой воды...

— Не продолжайте, — резко перебил Лютый. — Коллективная галлюцинация — это запрещенная ассоциация. У нас в методичке сказано: «Реальность консенсуальна». То есть то, о чем мы договорились, то и реально. Если мы договорились, что это Дух ВВП, значит, это Дух ВВП.

— А если не договорились?

— Тогда это серая зона. Но сегодня мы здесь именно для того, чтобы договориться.

— Ну, лично я не договорилась, — заявила пенсионерка. — Невидимый Дух — это как невидимые деньги. Пришли на карточку, а их нет. Обидно.

— Поддерживаю, — кивнул таксист. — Если Дух — он должен быть видимым. Чтобы я мог его показать пассажирам. Сказать: «Видите, мужики? Это Дух ВВП. Он нас бережет». А если я покажу пустоту, меня не поймут. Скажут: «Ты, командир, тормози, давай лучше про курс доллара».

— Про доллар не надо, — автоматически вставил Лютый.

— Я и не говорю. Я про то, что пустоту показывать — это несерьезно.

Замминистра снова открыл рот. Все замерли. Его мнение явно имело вес — не столько из-за должности, сколько из-за того, что он был единственным в комнате, кто видел Президента лично, а не по телевизору.

— Невидимка, — произнес он медленно, — это концепция, опередившая время. Когда-нибудь мы к ней придем. Но Президент... он хочет видеть. Он так и сказал на последнем совещании: «Хочу видеть». Если я покажу ему пустой лист и скажу: «Вот Дух ВВП», — он спросит: «А где?» Я скажу: «Он невидим». Тогда он спросит: «А почему я его не вижу? Я что, недо-

статочно духовен?» И что мне отвечать? Что Президент недостаточно духовен, чтобы увидеть Духа? Это политическое самоубийство. Нет.

— Значит, «Невидимка» отклоняется, — констатировал Лютый. — Давайте третий.

Владлен переключил на последний эскиз. На экране появился «Человек из народа». Обычный парень в пиджаке на размер больше, стоящий на фоне панельной девятиэтажки. В руках — пакет из супермаркета. На лице — та самая улыбка, которую они с Пашей пытались сделать оптимистичной, но добились лишь выражения «я заплатил ипотеку, но забыл поесть».

— Концепция №3, — объявил Владлен с последними остатками надежды в голосе. — «Дух ВВП — это каждый из нас». Идея в том, что экономика — это не абстракция, а совокупность действий миллионов людей. Каждый, кто покупает, производит, продает, — вносит вклад в ВВП. Поэтому Дух ВВП выглядит как обычный человек.

Зал оживился. Впервые за все время люди смотрели на эскиз не с подозрением, а с узнаванием.

— Похож на моего зятя, — сказала пенсионерка. — Только зять еще грустнее.

— Похож на моего соседа, — добавил таксист. — Пьет, но работает. Или работает, но пьет. В общем, функционирует.

— Похож на меня, когда я вижу счет за коммуналку, — прокомментировал айтишник.

— Это хорошо или плохо? — уточнил Лютый.

— Это честно, — сказала девушка-фрилансер. — Вот честно — да. Но честность — это не всегда хорошо для рекламы. Понимаете, если Дух ВВП выглядит как человек, которому грустно, то это намекает, что экономика — это грустно. А нам разве надо, чтобы экономика ассоциировалась с грустью?

— Экономика должна ассоциироваться с ростом, — подтвердил замминистра. — Рост — это радость. Радость — это улыбка. А это, — он показал на Коляна, — не улыбка. Это... гримаса сдержанного выживания.

— Может, ему просто зарплату повысить? — предложил таксист. — Тогда он улыбнется.

— Если повысить зарплату, у него появится больше денег, — сказал айтишник. — Он пойдет в магазин, купит импортный сыр. Импорт — плохо. Значит, нельзя повышать зарплату.

— Почему сразу импортный? Пусть отечественный покупает.

— Отечественный сыр дороже импортного из-за санкций, вы не в курсе?

— Хватит, — Лютый хлопнул ладонью по столу. — Мы обсуждаем Духа ВВП, а не сыр. Вернемся к эскизу.

— Мне кажется, — медленно произнес замминистра, — проблема вот в чем. Этот человек... он слишком конкретный. Слишком реальный. А реальность, как мы знаем, иногда бывает... не совсем такой, как нам хотелось бы. Понимаете?

Все понимали. Реальность была проблемой. Именно поэтому ее пытались заменить Духом.

— Президент, — продолжал замминистра, — не хочет видеть реального человека. Он хочет видеть идею. Символ. Что-то, что выше реальности. Что-то, что нельзя встретить в очереди в поликлинике.

— А что можно встретить в очереди в поликлинике? — спросила пенсионерка. — Только больных и уставших. Может, нам Духа Здравоохранения заодно сделать?

— Дух Здравоохранения — это отдельный тендер, — быстро сказал Лютый. — Не отвлекаемся.

— Значит, «Человек из народа» тоже не подходит? — спросил Владлен с надеждой, что сейчас его отпустят домой и он сможет забыть этот день.

— Не подходит, — кивнул замминистра. — Слишком человек. Слишком из народа. Народ — это хорошо, но Дух должен быть над народом. Как... как знамя. Как ориентир. Как то, к чему стремятся, а не то, что уже есть.

— Как дедлайн, — вставил айтишник.

— Можно и так.

Лютый закрыл блокнот. Его лицо выражало смесь разочарования и облегчения — разочарования от того, что все три концепции провалились, и облегчения от того, что теперь можно переложить ответственность на фокус-группу.

— Итог, — объявил он. — «Богатырь» — слишком религиозный и без штанов. «Невидимка» — слишком невидимый, Президент не увидит. «Человек из народа» — слишком реальный. Комиссия не принимает ни один вариант. Безродных, у вас есть неделя, чтобы предложить четвертый.

— Четвертого нет, — сказал Владлен упавшим голосом. — Мы перебрали всё. Буквально всё, от бобра до облака.

— Значит, переберите то, что за пределами «всего». — Лютый встал. — Совещание окончено. Всем спасибо. Явка обязательна, результаты будут учтены, гонорары выплачены.

Когда все начали расходиться, замминистра задержался у двери. Он подошел к Владлену и сказал негромко, так, чтобы слышал только он:

— Я вам дам совет. Не как чиновник, а как человек, который видел Президента в гневе. Президент не хочет видеть ни богатыря, ни невидимку, ни соседа. Президент хочет видеть... отражение. Но не зеркальное. А такое... улучшенное. Понимаете? Как фильтр в телефоне. Он хочет посмотреть на экономику и увидеть в ней свои черты, но в идеальном исполнении. Без морщин. Без сомнений. Без штанов... впрочем, штаны оставьте. Но остальное — уберите.

Владлен хотел спросить: «Как это сделать технически?» — но замминистра уже вышел в коридор, и его шаги стихли где-то в направлении Отдела нематериальной статистики.

Вечером того же дня Владлен сидел дома, на кухне, и смотрел на три отвергнутых эскиза, разложенных на полу. Паша лежал на диване и смотрел в потолок. Бутылка водки «Импорт-замещенная» стояла на столе — уже начатая, но еще не добитая. Они находились в той стадии опьянения, когда все плохие идеи кажутся гениальными, а все гениальные еще не пришли.

— Четыре варианта, — бубнил Паша. — Богатырь без штанов, невидимка, Колян и... четвертый. Что может быть четвертым? Может, рисуем женщину? Дух ВВП женского пола?

— Нельзя. Гендерные вопросы — запрещенная ассоциация. В ТЗ сказано: «Образ должен быть нейтрален в гендерном отношении». То есть ни мужчина, ни женщина. Бесполой Дух ВВП — это робот. Робот — техноген. А мы без техно. Лютый отдельно предупредил: «Никакой цифровизации. Президент устал от цифры». Поэтому мы не можем нарисовать робота. И не можем не рисовать робота. Потому что бесполой человек — это уже не человек, а что-то другое.

— Бесполой богатырь без штанов, — сказал Паша и заржал так, что соседи постучали по батарее.

Владлен налил еще по одной. В голове крутились обрывки фраз: «Президент хочет видеть отражение... улучшенное отражение... как фильтр... свои черты, но в идеальном исполнении...»

И тут его осенило. Не как гром среди ясного неба, а как тихий щелчок тумблера в голове — тот самый звук, с которого начинаются все великие и чудовищные идеи.

— Паша, — сказал он медленно, — а что если нам не нужно рисовать?

— Мы это уже проходили. Невидимка не взлетел.

— Нет, не невидимка. Что, если Дух ВВП — это не образ, который мы придумываем? Что, если он уже существует? И нам не нужно его рисовать, потому что он уже нарисован? Всей страной. Всеми новостями. Всеми портретами в кабинетах.

Паша приподнялся на локте:

— Ты о чем?

Владлен взял лист бумаги и написал три буквы: ВВП.

— Смотри. Валовый Внутренний Продукт — ВВП. П — ВВП. Это не мы придумали. Это совпадение. Но совпадение настолько идеальное, что оно не может быть случайным. Оно... оно как мост между экономикой и властью. Мы не будем рисовать Духа. Мы просто скажем людям: «Вы всегда это знали. Экономика и лидер — одно. ВВП — это не цифры. ВВП — это человек. Конкретный человек. Но мы не будем его называть. Мы просто покажем буквы».

Паша сел. Сонливость с него слетела.

— То есть ты предлагаешь не рисовать персонажа, а... использовать инициалы? Просто три буквы? И все?

— Не просто буквы. А концепцию. Понимаешь, проблема всех трех эскизов была в том, что они пытались изобразить Духа отдельно от того, с чем он ассоциируется. Богатырь — фольклор. Невидимка — абстракция. Колян — бытовуха. Но никто не попробовал самое очевидное. Дух ВВП — это сам ВВП. В смысле — Президент. Но не буквально. А через инициалы. Через намек. Через полуулыбку. Мы не говорим: «Президент — это ВВП». Мы говорим: «ВВП — это три буквы. Вы можете понимать их как хотите. Но мы знаем, как вы их поймете».

Паша встал, подошел к столу и налил себе еще водки. Потом налил Владлену. Они выпили молча.

— Это либо гениально, — сказал Паша, выдохнув, — либо мы с тобой завтра проснемся в следственном изоляторе.

— В следственном изоляторе тоже есть ВВП, — ответил Владлен. — Он там — валовый внутренний продукт заключенных. Шутка. Но идея... Понимаешь, мы не нарушаем ни одного пункта ТЗ. Образ — узнаваемый, но не персонифицированный. Потому что буквы — это не лицо. Стабильность — да. Застой — нет, потому что буквы можно анимировать, заставить расти, двигаться. Харизма — да, потому что за буквами стоит харизма того, кого они обозначают. Мы просто берем то, что уже есть, и упаковываем в слоган.

— И какой слоган?

Владлен подумал и записал на том же листе: *«ВВП. Три буквы. Один смысл. Твоя вера — его сила»*.

Паша посмотрел на лист. Потом перевел взгляд на три отвергнутых эскиза на полу. Потом снова на лист.

— Знаешь, что самое смешное? Это правда может сработать. Потому что это не мы придумали. Это уже есть в головах. Мы просто это вербализуем. Мы даем людям разрешение думать то, что они и так думают.

— Именно. Мы не создаем культ. Мы его оформляем.

— Звучит как работа на государство.

— Это и есть работа на государство.

Они выпили еще. За окном светало. Где-то вдалеке, в районе Старой площади, наверное, уже зажигались окна кабинетов. Лютый, возможно, уже сидел за своим столом и смотрел на пустую папку «Дух ВВП. Эскизы». Он еще не знал, что через несколько часов получит от Владлена имейл с темой «Концепция (финальная. На этот раз точно)» и текстом, который изменит все.

Но это было уже завтра. А сегодня они пили водку, и три отвергнутых эскиза лежали на полу, как три трупа несбывшихся надежд. «Богатырь» смотрел в потолок пустыми глазами. «Невидимка» был просто белым листом. «Колян» улыбался своей грустной улыбкой.

Через час Владлен сел за ноутбук и написал Лютому письмо.

«Тема: Концепция (финальная)»

Лютый, мы ошибались. Мы пытались нарисовать лицо. Но лицо не нужно рисовать. Оно уже есть — в сознании каждого гражданина. Дух ВВП — это не богатырь, не невидимка и не сосед. Дух ВВП — это три буквы. Инициалы. Валовый Внутренний Продукт = П. Совпадение? Нет. Судьба.

Предлагаю: запустить кампанию под слоганом «ВВП — это мы». Никаких портретов. Только буквы. Только намек. Только пространство для веры. Люди сами дорисуют остальное. Они уже дорисовали. Мы просто дадим этому имя.

Жду согласования. Если согласуете — через три дня у вас будет готовая презентация для Президента.

Безродных.

P.S. Аванс не помешал бы. У нас тут творческий процесс, расходы на материалы.

Он нажал «Отправить» и откинулся в кресле.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сделал? — спросил Паша из своего угла.

— Я придумал Духа, который уже существует.

— Нет. Ты сказал вслух то, о чем все знали, но боялись говорить. Теперь либо ты получишь премию, либо...

— Либо что?

— Либо тебя наградят орденом «За слияние с вертикалью». Посмертно.

Они рассмеялись. Но смех был невеселый. Потому что где-то в глубине души оба понимали: Паша, возможно, не шутит.

Глава 4. Озарение

Письмо ушло в три часа ночи. Владлен ожидал ответа как минимум через сутки — бюрократическая машина, даже самая духоподъемная, не работает по ночам. Он ошибался.

В 3:47 телефон завибрировал. На экране высветилось: «Лютый. Входящий». Владлен, уже провалившийся в беспокойный сон без сновидений (потому что даже подсознание устало генерировать образы), подскочил с кровати, опрокинув стакан с водой на эскиз «Невидимки». Бумага немедленно пошла пузырями, и белый прямоугольник стал еще более абстрактным.

— Безродных, — голос Лютого звучал так, будто он вообще не спал никогда, а просто переходил из одного режима бодрствования в другой, еще более бодрый. — Я прочитал ваше письмо.

— И? — Владлен задержал дыхание.

— И я хочу, чтобы вы объяснили мне это устно. Сейчас. Приезжайте.

— Сейчас? Четыре утра.

— Время — это условность. ВВП — это безусловность. Жду в кабинете через час. Пропуск закажу. И захватите с собой все эскизы, включая те, что забрала фокус-группа. Они мне нужны для контекста.

Лютый отключился. Владлен посидел минуту в темноте, глядя на мокрый эскиз «Невидимки», который теперь напоминал не абстракцию, а пятно Роршаха, в котором при желании можно было увидеть что угодно — от дракона до графика падения рубля. Потом набрал Пашу.

— Паш, просыпайся. Лютый вызывает. В четыре утра.

Из трубки донесся звук, который мог быть как «зачем», так и «уволюсь». Но через секунду Паша ответил уже относительно трезвым голосом:

— Он что, вообще не спит?

— Он говорил, что время — условность. Думаю, сон для него — это тоже условность. Которую он отменил.

— Ладно. Выезжаю. Только... Владлен, ты уверен, что нам стоит это делать? Ну, про буквы? Может, пока не поздно, сказать, что это была шутка?

— Шутка с бюджетом в восемьсот миллионов не бывает шуткой. Это уже не юмор. Это судьба. Встречаемся у входа.

Через час они стояли перед серым зданием Департамента. Ночью оно выглядело еще более зловеще, чем днем. Окна горели только на третьем этаже — видимо, в Отделе нематериальной статистики круглосуточно пересчитывали индекс счастья, который все время норовил упасть. Охранник на входе долго изучал их пропуска, сверяя лица с какими-то невидимыми параметрами, потом молча кивнул и пропустил. В лифте Владлен заметил, что кнопки этажей подписаны не цифрами, а категориями: «Реальность», «Серая зона», «Показатели», «Смыслы», «Крыша». Этаж Лютого был «Смыслы».

— Почему «Смыслы» ниже «Крыши»? — спросил Паша.

— Потому что смыслы создаются здесь, а утверждаются наверху. Крыша — это, видимо, Администрация Президента. Или в прямом смысле крыша. В любом случае, нам туда пока не надо.

Кабинет 404 встретил их распахнутой дверью и запахом свежесваренного серого чая. Лютый сидел за столом все в том же костюме — казалось, он никогда его не снимал. Перед ним лежала распечатка ночного письма Владлена, испещренная пометками красным фломастером. Количество пометок пугало.

— Садитесь, — сказал Лютый, указывая на два стула, которые явно принесли из другого кабинета специально для этого ночного совещания. Один стул был выше другого, и Владлен, сам того не желая, сел на низкий, оказавшись в положении просителя.

— Итак, — Лютый отхлебнул чай. — Ваше письмо. Я прочитал его пять раз. Шестой раз я читал между строк. И знаете, что я там увидел?

— Что? — хором спросили Владлен и Паша.

— Либо гениальность, либо государственную измену. Причем я пока не понял, в какой пропорции.

В комнате повисла тишина. Кондиционер издал звук, похожий на сдавленный смех.

— Объясните, — продолжил Лютый, откидываясь в кресле, — как вы пришли к этой идее. Только подробно. С самого начала. Я хочу понять ход вашей мысли. Потому что если я его не пойму, его не поймет и П. А если его не поймет Президент, его поймут в другом месте. И нам это не понравится.

Владлен глубоко вздохнул. Он чувствовал себя студентом на экзамене, где билет — это его собственная жизнь.

— Понимаете, Лютый, мы долго мучились с эскизами. Богатырь, Невидимка, Человек из народа — все они провалились на фокус-группе. И знаете почему? Потому что все они пытались изобразить Духа отдельно от того, чем он является. Понимаете? Отдельно от сути.

— Суть ВВП — это экономический рост, — сказал Лютый.

— Нет, — Владлен помотал головой. — Суть ВВП — это вера. ВВП — это не количество произведенных товаров. ВВП — это количество веры в то, что эти товары будут произведены и куплены. Вера — это основа. И когда мы думали, во что люди могут верить, мы перебирали символы. А символы не работают, потому что символ — это замена. А людям нужна не замена. Им нужен источник.

— Источник чего?

— Источник смысла. Понимаете, в экономике есть цифры, есть графики, есть отчеты. Но за всем этим должно стоять что-то большее. Что-то, что объединяет цифры и людей. Что-то, во что можно верить, даже когда цифры падают. И мы вдруг поняли: это «что-то» уже существует. Оно перед глазами у всех. Каждый день. В новостях, в кабинетах, на плакатах.

Владлен сделал паузу. Паша смотрел на него с ужасом — он не ожидал, что его друг способен произносить такие речи без подготовки.

— Три буквы, — продолжил Владлен. — В. В. П. Валовый Внутренний Продукт. И первое лицо. Это не совпадение. Это... это предопределение. Судьба. Экономика и лидер называются одинаково. Мы не придумывали это. Мы просто это заметили.

Лютый молчал. Его глаза — левый и правый — наконец-то смотрели в одну точку. В точку, которой был Владлен.

— Вы предлагаете, — медленно произнес Лютый, — использовать инициалы Первого лица в качестве... логотипа экономики?

— Не логотипа. Концепции. Идеи. Мы не рисуем портрет. Мы не говорим: «Лицо — это ВВП». Мы говорим: «ВВП — это три буквы. А что они означают — каждый решает сам». Но мы знаем, что решит каждый. Потому что каждый уже решил. Это сидит в головах. Мы просто даем этому легальную форму.

— То есть вы не создаете нового Духа. Вы просто... активируете существующего.

— Именно! — Владлен чуть не подпрыгнул на своем низком стуле. — Мы не придумываем ничего нового. Мы берем то, что уже есть в коллективном сознании, и оформляем это. Понимаете, это же гениально в своей простоте! Не надо рисовать богатырей, не надо придумывать невидимок, не надо искать Колянов.

Дух трех букв — это уже бренд. Один из самых мощных брендов в стране. Мы просто официально это признаем.

Паша, молчавший до этого, не выдержал:

— А Президент? Как он отреагирует? Ему не покажется, что его... ну... используют?

— В том-то и дело, что нет, — Владлен повернулся к Паше. — Понимаешь. Первое лицо — это не просто человек. Это символ. А символ не может быть «использован», потому что он сам есть использование. Ему не нужно одобрение, ему нужно подтверждение. Когда мы говорим: ВВП — это три буквы», мы не принижаем Первое лицо. Мы возвышаем экономику до его уровня.

— Или наоборот, — пробормотал Паша.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

Лютый встал из-за стола и подошел к окну. За окном светало. Серое небо над Москвой медленно наливалось разрешенными оттенками — не более 40% красного, остальное белый и синий.

— Допустим, — сказал Лютый, не оборачиваясь. — Допустим, это может сработать. Но есть нюанс. Даже несколько нюансов. Первый: как это подать ему? Я не могу просто прийти и сказать: «Господин П, мы тут подумали, и вы — Дух ВВП». Это не сработает.

— Не так, — согласился Владлен. — Вы подадите это иначе. Вы скажете: «Господи П, мы провели исследование. Оказывается, аббревиатура ВВП уже давно ассоциируется у населения не только с экономикой, но и с вами лично. Это стихийный процесс. Народное творчество. Мы просто хотим это... канализировать. Придать этому цивилизованную форму. Чтобы это работало на страну».

Лютый повернулся. Его лицо выражало сложную смесь эмоций, которую можно было бы описать как «осторожный интерес, приправленный страхом».

— «Народное творчество» — это хорошо. «Стихийный процесс» — еще лучше. Но второй нюанс: что, если П: спросит: «А почему я об этом не знал?»

— Вы ответите: «Вы знали. Просто не придавали значения. А теперь мы придаем».

— Хорошо. Третий нюанс: что, если он спросит: «А кто это придумал?»

В комнате снова повисла тишина. Владлен вспомнил предупреждение замминистра: «Авторство уплывает вверх». Он уже знал правильный ответ.

— Это придумал народ, — сказал он. — А мы — только инструмент. Исполнители. Никто конкретный. Команда.

— Команда, — повторил Лютый, пробуя слово на вкус. — Команда — это хорошо. Команда — это безлично. Команда не может сесть в тюрьму. Тюрьма сажает конкретных людей.

— Именно.

Лютый вернулся за стол и сделал глоток серого чая. Потом взял красный фломастер и написал на полях распечатки одно слово: «СОГЛАСОВАНО». Но не поставил точку.

— Хорошо, — сказал он. — Я даю добро на разработку презентации. Но прежде чем мы пойдем к Президенту, нужно протестировать концепцию на более широкой аудитории. Фокус-группа из пяти человек — это не статистика.

— Что вы предлагаете? — спросил Владлен.

— Предлагаю провести... скажем так, пилотный запуск. Вброс. Мы даем концепцию в несколько телеграм-каналов, смотрим на реакцию. Если народ поймет и примет — идем к Президенту. Если начнутся шутки, мемы, негатив — концепция отправляется в корзину, а вы, Безродных, отправляетесь рисовать богатыря. Со штанами. И без вышек.

— Когда запускаем?

— В понедельник. У вас есть выходные, чтобы подготовить материалы. И, Безродных... — Лютый посмотрел на него долгим взглядом, — если это сработает, вы получите премию. Если это сработает слишком хорошо... ну, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Какие проблемы? — не понял Владлен.

— Проблемы успеха. Они страшнее проблем провала. Но об этом рано. Идите. И не говорите никому. Даже себе.

Утро понедельника началось с дождя. Серого, моросящего, идеально соответствующего цветовой гамме Департамента. Владлен и Паша сидели в офисе, уставившись в монитор. Лютый разослал тестовый вброс в три прокремлевских телеграм-канала. Текст был такой:

«Инсайд: в главном доме обсуждают новую концепцию экономического патриотизма. Идея в том, что аббревиатура — это не просто цифра, а символ единства народа и лидера. Три буквы, которые объединяют экономику и веру в страну. Подробности позже, но говорят, это будет "народный бренд"».

Под постом была картинка: аббревиатура «ВВП» на белом фоне, под ними — слоган «Один смысл. Одна страна. Один Дух». Никаких портретов. Никаких намеков. Только буквы.

Первые комментарии появились через десять минут.

«ВВП — это Валовый Внутренний Продукт? Или что-то другое?» — писал пользователь с ником «ДедМороз2024».

«ВВП — это наше все», — отвечал кто-то другой.

«Народный бренд — это хорошо. Главное, чтобы не как с «Единым гласом», а то стыдно будет».

«Три буквы, которые работают. В отличие от некоторых».

«А почему без портрета? Где лицо?»

«Лицо у каждого свое. У экономики лицо — это мы».

Владлен читал и не верил глазам. Комментарии были... положительными? Нет, не то чтобы восторженными. Скорее, понимающими. Люди действительно восприняли идею не как новость, а как подтверждение того, что они и так знали.

— Паша, смотри, — Владлен ткнул пальцем в экран. — «А я всегда говорил, что ВВП сработает. Просто никто не решался сказать вслух». Это же работает!

— Работает, — медленно произнес Паша. — Но знаешь, что меня пугает? Ни одного негативного комментария. Вообще. Как будто все ждали именно этого.

— Может, так и есть?

— Может. Но обычно, когда все согласны, это значит, что кто-то не согласен, но молчит. А молчание — это либо страх, либо...

— Либо что?

— Либо затишье перед мемом.

Мем появился через два часа.

Кто-то из пользователей — явно обладающий чувством юмора и навыками фотошопа — сделал коллаж: три буквы «ВВП», составленные из маленьких графиков, идущих вверх. Подпись гласила: «Когда спрашивают, как дела в экономике, а ты просто показываешь пальцем вверх. И в зеркало». Картинка разлетелась мгновенно.

Ее репостнули, кажется, все — от оппозиционных каналов до официальных страниц министерств. Последние, видимо, не поняли шутки и приняли ее за официальный контент.

Лютый позвонил в полдень.

— Безродных, вы видели?

— Видел. Это же хорошо?

— Это... неоднозначно. С одной стороны, охват колоссальный. С другой — охват колоссальный. Понимаете? Президент тоже это увидит. И у него возникнет вопрос: «Кто это сделал без моего ведома?»

— Но вы же сами запустили вброс!

— Я запустил текст. А мем — это народное творчество. А народное творчество неконтролируемо. В этом его сила и его опасность. Короче, я сейчас еду в Администрацию. Готовьтесь — возможно, завтра вас вызовут.

— Куда?

— В Ново. П хочет видеть авторов концепции.

Владлен положил трубку и посмотрел на Пашу.

— Кажется, нас вызывают к П.

Паша медленно снял очки, протер их, снова надел.

— Я не пойду.

— Почему?

— Потому что я трус. И потому что у меня нет опыта общения с... духами. Ты сам. Ты это придумал. Тебе и презентовать.

— Паша, это наш общий проект.

— Проект — да. А ответственность — нет. Ответственность у того, кто озвучил идею. Это был ты. Так что иди и сияй. А я останусь здесь и буду молиться за тебя. В пределах светского государства.

Владлен хотел возразить, но понял, что Паша прав. Это была его идея. Его письмо. Его три буквы. И теперь ему предстояло встретиться с человеком, который эти три буквы олицетворял.

Остаток дня прошел как в тумане. Владлен репетировал презентацию перед зеркалом, перед кофе-машиной «Госплан», перед расписным унитазом (который, как выяснилось, был отличным слушателем — не перебивал и не давал советов). Он придумывал, как войти, как встать, как начать. «господин П, для меня честь...» — нет, слишком подобострастно. «Господин П, я принес концепцию...» — сухо. «Здравствуйте, я тот самый идиот, который предложил сделать вас Духом» — честно, но рискованно.

Вечером, когда он уже лег спать (вернее, лег в кровать и уставился в потолок), телефон снова завибрировал. Сообщение от Лютого:

«Завтра 9:00. Ново Пропуск на ваше имя. При себе иметь: презентацию (на флешке и в распечатке), паспорт, чувство юмора. Последнее — обязательно. Без него там никак».

Владлен перечитал сообщение трижды. Потом встал, подошел к столу, открыл бутылку водки «Импортозамещенная — теперь с добавкой патриотизма» и налил полстакана. Выпил. Налил еще. Потом посмотрел на свое отражение в темном окне и сказал:

— Завтра ты встретишься с Духом. И либо он тебя благословит, либо...

Он не закончил фразу. Отражение в окне смотрело на него с выражением Коляна из Саратова — тем самым, с примесью сдержанного пессимизма.

Глава 5. Ново-Огарёво

Владлен не спал всю ночь. Он лежал в кровати, одетый, и смотрел в потолок, на котором трещины складывались в три буквы — В, В и П. Дом был старый, сталинский, с лепниной, и раньше трещины напоминали ему карту России с Крымом, но сегодня они перестроились. Возможно, это был знак. Возможно, просто штукатурка осыпалась. В любом случае, Владлен воспринял это как предупреждение.

В шесть утра он уже стоял перед зеркалом в ванной и репетировал речь. Зеркало было старое, с желтизной по краям, и отражение в нем выглядело как фотография из архива: человек с мешками под глазами, в мятом пиджаке, пытается убедить себя в том, что он не сумасшедший.

— Уважаемый господин П, — говорил Владлен отражению, — я пришел к вам с концепцией, которая... Нет. Не так. Слишком длинно. Господин П, разрешите представить... Нет. Он не разрешит. Он просто посмотрит. И я забуду все слова.

Он попробовал другую тактику — молчание. Просто стоял и смотрел в глаза своему отражению, пытаясь излучать уверенность. Отражение излучало панику. Глаза были красные, как 38% допустимой площади, не больше, но достаточно, чтобы вызвать ассоциацию с недосыпом. А недосып — это снижение производительности труда. А снижение производительности — это падение. Замкнутый круг.

В семь утра приехал Паша. Он выглядел так, будто не спал тоже, но в отличие от Владлена, Паша использовал бессонницу продуктивно: он привез с собой термос с кофе, бутерброды с колбасой «Докторская, но не та» и распечатку с ответами на возможные вопросы П. Распечатка была толщиной с небольшую диссертацию.

— Я проанализировал все публичные выступления П за последние полгода, — сообщил Паша, выкладывая на стол кипу бумаг. — Выделил типовые вопросы, которые он задает на совещаниях. Их три типа. Первый: «Как это повлияет на людей?» Второй: «Кто ответственный?» Третий: «Почему я узнаю об этом только сейчас?» Тебе нужно быть готовым ко всем трем.

— А четвертый тип? — спросил Владлен. — «Кто это придумал и где он сейчас?»

— Такого типа нет, — сказал Паша. — Потому что те, кому он задавал этот вопрос, уже не могут дать интервью. Шучу. Наверное.

Владлен не засмеялся. Он взял бутерброд, но не смог откусить — колбаса показалась ему метафорой экономики: вроде есть, а вроде и нет.

— Мне нужно выдвигаться, — сказал он, глядя на часы. — В восемь пропускной режим. В девять — совещание. Если я опоздаю, это будет символизировать падение пунктуальности. А падение — сами знаете.

— Держи, — Паша протянул ему маленькую флешку в форме нефтяной вышки. — Здесь презентация. Три слайда. Первый: проблема. Второй: решение. Третий: величие. Я сделал все, как ты просил. Буквы, слоган, график, который растет даже когда падает.

— Как это?

— Там хитрый масштаб. Если смотреть под правильным углом, любое падение выглядит как подготовка к росту. Я назвал это «оптимистическая шкала». Лютый одобрил.

Владлен взял флешку, положил в карман пиджака, проверил паспорт (действителен, фамилия Безродных, имя Владлен, отчество Егорович — все как в жизни, никаких псевдонимов), проверил чувство юмора (наличествовало, но в тлеющей стадии) и вышел из квартиры.

На лестничной клетке его встретил сосед — пожилой мужчина по фамилии Големов, который всегда выходил покурить ровно в тот момент, когда кто-то из жильцов спешил. Големов

мов был человеком старой закалки — он курил «Беломор» и верил, что все, кто уходит из дома раньше восьми, либо работают на государство, либо скрываются от алиментов.

— На ковер вызывают? — спросил Големов, выпуская дым в потолок.

— Вроде того, — ответил Владлен.

— К кому?

— К... начальству.

— К начальству — это ладно. К начальству все ходят. Лишь бы не к Главному.

— А если к Главному?

Големов затянулся, задумался, выпустил дым тремя кольцами — получилось В, В и П.

— Тогда не забудь поклониться. Но не слишком низко. А то подумает, что ты кланяешься, потому что боишься. А боишься — значит, есть за что. Понял?

— Понял, — сказал Владлен, хотя ничего не понял. — Спасибо.

— Не за что. Я в девяностых в Кремле полы натирал. Я эти коридоры на вкус знаю. Хочешь совет?

— Хочу.

— Когда войдешь в кабинет, не смотри на портрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.